18+

Кирилл Ржевский

Моя юдоль

Мой удел смерть, ибо жизнь — это лишь начало и конец,
с невыносимой для меня серединой…

Кирилл Ржевский

Моя юдоль. Мой удел смерть, ибо жизнь – это лишь начало и конец, с невыносимой для меня серединой…

«Издательские решения»

Ржевский К.

Моя юдоль. Мой удел смерть, ибо жизнь – это лишь начало и конец, с невыносимой для меня серединой… / К. Ржевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530837-5

Сборник рассказов, стихов, эссе и прочих обрывков мыслей человека, который немногое видел, немногое слышал, немногое знал. Но, несмотря на это «немногое», жизнь его можно описать лишь одним, простым словом — много.В этой книге представлены мои сочинения с биографическими моментами, которыми я решил поделиться с миром. Хочется, чтобы и после смерти, моя частичка продолжала своё, пусть и не вечное, но значимое для жившего когда-то меня, существование…

ISBN 978-5-00-530837-5

© Ржевский К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Танцы под водой 7
Метель 11
Любовнику моих мыслей 16
Вечерние посиделки с К. 17
Любовь, время и смерть 19
Ужин семьи Марговец 20
Введение 20
1 21
2 22
3 23
4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Моя юдоль
Мой удел смерть, ибо жизнь –
это лишь начало и конец,
с невыносимой для меня серединой…

Кирилл Ржевский

© Кирилл Ржевский, 2021

ISBN 978-5-0053-0837-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Здравствуй, мой дорогой читатель. Этот сборник посвящён моей жизни и моему внутреннему, мертворождённому гению. Все мои дни, месяцы, годы, мысли и чувства, были перетасованы, как колода карт. Поэтому некоторые произведения предстанут на твой читательский суд незаконченными; вместо полноценного и привычного удовольствия, ты получишь непонимание, смятение, недосказанность, а возможно и обиду.

Ты будешь читать плоды моих долгих дум: стихи, рассказы, эссе, дневники… и всё что посетило мою голову за последние годы. Все эти произведения – мои дети, и все они – инвалиды с рождения. В связи с этим, я часто задумывался и в итоге пришёл к выводу, что мой разум, как и я сам, до того испорченны, что не способны на большее. И я решил представить этих инвалидов и мертвецов тебе.

Пусть мои незрелые, подпорченные, а местами и косноязычные строки, будут с тобой. Да, они будут тебе претить, будут чужими и не нужными. Но они имеют своё право на существование в любой форме, ведь время и обстоятельства, в которых я родился, увы не дали мне шанса проявить себя; но они дали мне частичную свободу слова, благодаря которой я, а точнее бессознательная и недостижимая не для кого, часть меня, в какой-то степени, останется здесь безликим, эфемерным призраком. Этот призрак будет навсегда потерян для людей и для себя самого.

Это ни в коем случае не профессиональное произведение современной литературы; может это халтура, или графоманский бред… Называй как хочешь. Для меня же, это своеобразный сундучок с кусочками моей жизни и моими мыслями, которыми я хочу поделиться с тобой. Если тебя вдруг заинтересовала моя писанина и ты хочешь познакомиться с моим творчеством поближе. Что ж… Тогда вперёд, мой дорогой читатель! Переворачивай страницу!

Танцы под водой

«Михаэль Шнайдер
6 октября 1996 – 4 июля 2015
Любимый сын, преданный друг, лучший брат…»

Уже четвёртый раз глазами пробегаюсь по надписи, выгравированной на надгробной плите моего брата. Не могу сдержать слёзы. «Не плачь, не показывай никому своих слёз», – так сказал мне Михаэль, когда я впервые по настоящему заплакала; родители на весенней ярмарке не купили мне мороженное.

Со дня аварии я потеряла веру в жизнь. Помню яркую вспышку света, глухой удар и пустоту, которая казалось, забрала меня навсегда. Но жизнь бывает ещё более несправедлива, чем смерть. Она вытягивает тебя из полюбившейся темноты, бросает в инвалидное кресло и суровый седовласый мужчина, равнодушным голосом сообщает:

– Надя, ты больше не сможешь ходить, твой спиной мозг был сильно повреждён в результате столкновения с машиной.

– Доктор, неужели нет никаких шансов? – спрашивает мама.

– Миссис Шнайдер поймите, ваша дочь навсегда останется инвалидом, а о возвращении в спорт я вообще молчу.

– Но как же так доктор? Наверняка есть какие-то методики, которые…

– Я ещё раз повторяю! – резко обрывает мою мать палач в белом халате. – Надя никогда НЕ СМОЖЕТ ХОДИТЬ!!!

Не могу больше выслушивать эти разговоры обо мне в третьем лице, со всех ног… Ну вот опять! Со всех колёс выезжаю из кабинета и направляюсь к выходу.

– Надя! – окликает меня знакомый до боли голос.

Не отвечаю, хватит разговоров, пора замолчать навсегда.

Я умерла не восемь месяцев назад, когда услышала приговор этого титана в белом халате, который властен надо мной теперь. Я умерла ровно четыре года назад, когда мой любимый, самый родной брат Михаэль, покончил с собой. Его загадочная смерть, вызвала множество вопросов.

Неизвестно, закончил он свою жизнь добровольно или ему кто-то помог? А может это была нелепая случайность? Вопросов много, ответов нет.

Лично я предпочитаю думать, что он покончил с собой. Это лучше, чем верить в то, что его кто-то убил или что дурацкая случайность забрала его у меня.

В его смерти есть лишь один положительный момент, который поднимает мне настроение. Он умер на дне реки Неккар, которая находится недалеко от нашего города Филлинген-Швеннинген. Это была наша любимая река, в которой мы плавали каждый день и репетировали свои номера. Во время летних каникул, мы всё свободное время проводили там, а иногда в тайне от родителей, убегали на речку ранней осенью и поздней весной.

Мы с Михаэлем очень любили воду; люди-рыбы, так называли нас наши родители. А сам Михаэль, много раз шутил, что мы не как остальные люди, которые на шестьдесят процентов состоят из воды. «Мы с тобой Надя, состоим из воды на девяносто девять процентов. Один ничтожный процент, держит нас в этом мире», – до сих помню его чарующий голос.

Мы с братом были чемпионами по синхронному плаванию и заняли второе место на олимпийских играх в 2014 году. Дуэт «Надя и Михаэль», стал самым знаменитым во всей Германии. Наши гармоничные и завораживающие движения под водой, заставляли зрителей смотреть на нас так, словно они были под гипнозом.

У нас с ним был секрет. О нём знала лишь мама, которая старательно хранила его до смерти Михаэля. Мы были не просто братом и сестрой, мы любили друг друга как мужчина и женщина. Многие в городе догадывались о нашей постыдной для всего мира связи. «Инцестники!» – слышали мы каждый раз, когда ходили купаться на Неккар.

Но нам было всё равно, мы любили друг друга и были счастливы. Мама узнала о нашей связи за два года до смерти Михаэля и настоятельно просила нас прекратить это, говоря о том, что ничего хорошего такая любовь нам обоим не принесёт.

Но никто не может остановить два любящих сердца. Пусть для других наша любовь и была грязной, для меня она была самой чистой и искренней на свете. И я бы не променяла Михаэля ни на одного парня, с которыми мама отчаянно пыталась меня познакомить. Она надеялась развести нас с братом по разным углам дома и знакомила его с девушками, а меня соответственно с парнями. Хоть её навязчивость часто бесила меня, я понимала что она как любая мать, желает лучшего своим детям.

Михаэль всегда относился ко всему спокойно, он был робким и нежным. А любить он мог так сильно… Немногим суждено испытать такую любовь, поэтому я считаю себя счастливой. За два месяца до смерти, у моего брата и возлюбленного, начали проявляться признаки биполярного расстройства.

Он ненавидел врачей и таблетки, поэтому боролся с болезнью своими силами. Плюс родители были против того, чтобы он обращался к психиатрам. Я чувствовала как он ускользает от меня в лапы безумия и не знала как его спасти.

Я лишь надеялась что наш будущий ребёнок, заставит его болезнь отступить. Но Михаэль узнав о моей беременности, стал ещё более рассеянным и погружённым в себя. «Мне нет места в этом мире», – повторял он.

28 июня 2015 года, Михаэль неожиданно исчез. Он ушёл из дома в магазин и больше не вернулся. Мы не знали что и думать. Его поиски не увенчались успехом.

Вскоре я обнаружила в его комнате записку, спрятанную в нашей любимой книге «Моби Дик, или Белый кит», написанной Германом Мелвиллом. Записка эта была ещё более странная, чем его поведение в последние дни перед исчезновением.

Сегодня 4 июля. Это число стало официальной датой смерти Михаэля. Хотя он умер намного раньше, погрузившись под воду Неккара. Именно в это число его тело, а точнее то, что от него осталось, нашли дети, играющие возле реки.

Похороны были скромными, тело брата кремировали, а прах развеяли над Неккаром. На семейном кладбище соорудили небольшую могилу. Сюда приходили родители, а точнее только мама. Она приходила погрустить и поплакать о печальной судьбе своего сына. Мы никогда не ходили на его могилу вместе, только по одиночке. Отец сразу после смерти брата развёлся с мамой и уехал к своей любовнице в Мюнхен.

В этот чёрный день, я сижу у его могилы и вновь перечитываю эту записку, надеясь хоть что-то понять:

«Моя невидимая спутница, мой несуществующий друг, мой нерождённый ребёнок. Я обращаюсь к вам из оврага пустоты, в котором сейчас пребываю. Эта городская лужа, в которую я погрузился с головой, утянула меня на самое дно.

Погружение под воду манило меня всю жизнь. Там, под водой, хранятся все ответы. Но чтобы получить их, нужно отдать жизнь. Вы готовы погрузиться под воду и смыть с себя желание, грех, ярость, жизнь… Я готов, я не готов, я готов… А может всё таки не готов.

Нужны ли нам эти ответы? Будем ли мы счастливы, когда получим их? Мы дети бога, который нас покинул. Мы брошенные сиротки на вокзале жизни; столько поездов каждый день уезжает прочь в неизвестность. Она манит и пугает одновременно.

Что лучше? Уснуть вечным сном в мягких объятиях земли или погрузиться под воду и унестись в пучину и темноту. Всё решает воля, всему виной судьба. В книге жизни, наши

имена выделены красной ручкой. Мы следующие? Вряд ли. Сколько людей ушло в пустоту перед нами и сколько уйдёт после нас? Много? О, очень много!

Люди умирают каждый день; смерть уносит душу и не оставляет следов. Остаётся лишь бренное тело и людское горе. Отпечатки наших трагедий, каждый день убивают нас. Тяжела жизнь работяги, тяжела жизнь поэта, тяжела жизнь художника, тяжела жизнь инвалида, тяжела жизнь безумца…

Я всё вместе взятое. Инвалидность моей души, не даёт нормально мыслить и жить. Не одна операция не помогает, даже таблетки бессильны. Эти реки чувств, горы надежд и ураганы безумия. Всё непреодолимо, но всё можно сдерживать. Не верьте себе, не верьте другим. Верьте только в то, что вы будете свободны.

Вы освободитесь, я вас освобожу. Вы не верите что это вы? Ваше безумие поглотит вас. Эти ветви мыслей, плотно вплетаются в моё сознание и коварные сорняки болезни, дают свои плоды. Мне жаль, правда. Никто нам не поможет, придётся справляться самим.

Примите простую истину: вы не убежите от правды и от себя. Помните, всё умирает. Таков закон жизни. Вам даётся время и как потратить его, решайте сами. Хотя многое решается ещё до вашего прихода. Мне жаль. Но вы должны ценить то, что имеете и говорить спасибо.

Сражайтесь каждый день, ведите войну на оба фронта. Воюйте с безумием, царящим в вашей голове, воюйте с миром, который жаждет унизить и уничтожить вас.

Боритесь и помните что я рядом, несмотря на то, что меня нет.

Однажды мы уйдём в море за вечным сном и станем наблюдателями за вселенной. Если вода нас не примет, мы полезем в петлю и ощутим горько-сладкий поцелуй смерти. Затем мы станем призраками, уходящими прочь в снежную бурю.

Мы будем невидимыми зрителями, стоящими за кулисами и смотрящими на актёров, которые продолжают играть в спектакле, под названием жизнь.

Я вижу сотни танцующих под водой людей. Они улетают в космос и упиваются покоем. Всё так медленно и безмятежно, нет смерти и боли. Есть только покой. Вечность навсегда».

И вновь вопросы, вопросы, вопросы… Об этой записке никто не знает. Я спрятала её от посторонних глаз, чтобы у меня было нечто сокровенное от моего брата. Я хотела быть особенной.

Всю жизнь он рвался к воде и в итоге умер в ней. После его смерти у меня случился выкидыш и наш ребёнок, а точнее сын, отправился к своему отцу в Неккар. Осталась только я, которая продолжала какое-то время выступать с сольными номерами в городском бассейне. Но всё это не то. Жизнь решила наказать меня ещё больше и забрала способность ходить. Единственное место где я могу обрести покой и быть рядом с любимым мужчиной и сыном (Михаэлем младшим), это Неккар.

Спицей для вязания я доцарапываю надпись на могиле Михаэля, добавляя туда ещё пару имён:

«Михаэль Шнайдер
6 октября 1996 – 4 июля 2015
Любимый сын, преданный друг, лучший брат…

***

Надя Шнайдер
5 августа 1995 – 4 июля 2019
Любимая сестра, любящая мать и жена…

***

Михаэль младший
Нерождённый сын»

Готово. Теперь я отправляюсь на Неккар за вечным сном.

Вернувшись с кладбища, я около двадцати минут ехала на своей коляске под неодобрительные взгляды и грубые выкрики прохожих, которые знали о нашей связи с Михаэлем. Это случилось когда одна его фанатка проследив за нами, обнаружила нас целующимися на берегу Неккара. Фото быстро попало в интернет и с нами было покончено. Люди разделались с нами, как кошки с крохотными мышками. Быстро и безжалостно, оставив лишь пыль.

Сейчас я сижу на небольшом, деревянном пирсе на берегу нашей реки. Как же красиво и спокойно вокруг, а под водой плавают души моих любимых. Неккар напоминает мне подводное царство сна и покоя, в которое я сейчас войду.

Один стук по воде и я внутри; мигом погрузилась на дно. Гребу натренированными руками и с трудном отплываю на небольшое расстояние.

На дне этого неведомого мира, я ощущаю спокойствие. Я начинаю танцевать… Мои ноги свободны, как и моя душа. Вокруг сотни рыбок и речных тварей, которые тоже танцуют. Как же я сейчас счастлива!

Ко мне подплывает Михаэль и наш повзрослевший сын. Теперь мы семья. Неккар принял нас и нашу любовь. Мы все пускаемся в чувственный танец. Теперь всё что было до, не важно. Это новая жизнь, это новый мир, это танцы под водой.

Метель

Сегодня 16 февраля, четверг, раннее утро. Февраль идеальный месяц чтобы уйти. Мой так сказать, последний билет на поезд уходящей зимы. Вот только место его конечного пункта назначения, неизвестно. Хотя, плевать. Неизвестность меня не пугает, меня пугает этот мир.

День сегодня какой-то мрачный, облака едва ли не чёрные. Наверное небеса уже плачут обо мне, хотя я пока жива. Стою, вдыхаю ненавистный мне воздух этой опостылевшей и чужой для меня квартиры. Живу я в Москве, столице нашей необъятной родины. Но мне здесь не нравится, чем больше город, тем сильнее одиночество сжирает меня.

Мне всего лишь двенадцать лет, а я уже приговорила себя к смерти. Что за бред, спросите вы? Никакого бреда здесь нет, просто всё очень сложно и одновременно просто, как-то печально… Что я видела в жизни и что увижу?

Видела я немного, но этого «немного», не пожелаю никому. Что я увижу, если останусь здесь? Да какая разница, ведь её рядом не будет. Моей мамы нет со мной уже три года, она умерла от рака мозга в 2009 году.

Но тогда она умерла не одна, вместе с ней к белым облакам, улетела её дочь Ирина. Так меня зовут, если что. Ну опять эти ваши вопросы! Сколько вам нужно разъяснять?! Хотя… Нет, вы не понимаете, я должна вновь пояснить.

Я умерла вместе со своей мамой три года назад, а какая-то бренная часть меня, которая прочно прибита металлическим гвоздём к этому миру, осталась скитаться здесь. И вот уже третий год она мечется, от папиной бабушке, к бабушке Тоне, от дома до школы и обратно. Но наконец-то она нашла вместе со мной, своё последнее пристанище перед уходом из этого мира. Этим пристанищем я называю папину квартиру в Москве, в ней я сейчас живу… Пока живу.

Он живёт здесь вместе с тётей Таней, это его новая жена и моя мачеха. Отношения у нас с ней не очень… Но не будем об этом.

Четыре дня назад я соврала бабушке. Я написала ей СМС о том, что у меня всё хорошо и попрощалась с ней. Вот только она не знает, что у меня не всё хорошо и что прощаюсь я с ней навсегда.

Вчера у меня сильно болела голова и я попросила Юлию Анатольевну отпустить меня домой. Меня должен был забрать папа, но он не приехал.

Кстати, я сегодня не пошла в школу, но у меня уважительная причина. Ведь я собираюсь сегодня умереть. Поэтому Юлия Анатольевна меня простит и не будет вызывать папу в школу.

За окном сплошная пелена, не видно не одного, даже самого крохотного человечка на улице. Все люди сегодня растворились и исчезли в февральской метели. Эх февраль, хитрющий из зимних месяцев. Вроде начинаешь готовиться к весне, но с середины он звереет и не хочет отдавать бразды правления весне. Кстати, весна довольно таки тошнотворное время года, по крайней мере для меня. Всё это оживление, снеготаяние, почки на деревьях… Это не моё. Мне больше по душе морозная стужа.

Наверное недели две назад я звонила Вике, своей близкой подруге, она живёт в Димитровграде, который я в конце прошлого года, покинула с тяжёлым сердцем. Но моя душа начала расцветать, она была полна надежд на светлое будущее с отцом здесь, в Москве. Не понимаю как до такого могло дойти?

Вы знаете что такое умереть внутри, то есть умереть душой? Это когда ты кушаешь, ходишь в туалет, учишься, работаешь, спишь… В общем занимаешься тем же, чем остальные люди. Вот только чего-то не хватает. Правильно, жизни! Жизни души, которая уже давно умерла и покоится в твоём теле, вернее не покоится. Ведь твоё бренное тело, не может быть

местом упокоения твоей бессмертной души. Она бьётся о стены твоего тела, в отчаянии вырваться на волю и взмыть высоко в небеса.

Но у неё ничего не выходит, её не отпускают; ведь тело не может существовать без души, она нужна ему, пусть и мёртвая. Ты уже мёртвый внутри, вынужден ежедневно выполнять физиологические потребности своего тела, нахождение в котором, тебе уже так опостылело.

Поэтому приходится брать всё в свои хрупкие, человеческие руки и выпускать душу самому. А как её выпустить и обрести тот истинный и вечный покой? Правильно, убить то, что держит тебя на этой грешной земле. Этот извращённый и мерзкий кусок мяса… Вернее тела, в котором ты вынужден ютиться.

И вот что мы с вами имеем: вчера у меня болела голова, а сегодня я прогуляла школу. Да, что-то не клеится у меня в голове логическая цепочка моих действий. К чёрту всё! Сегодня я мыслю по-другому, сегодня я мыслю как самоубийца; поэтому вы меня не поймёте. Да вам и не нужно, просто побудьте со мной до восьми часов, пока папа не вернётся с работы. Встретьте со мной мой конец незнакомцы!

И ещё будьте спокойны и учтивы, уважайте меня и мой выбор. И не надо дежурных фраз типа: «Дурак или дура, подумай о родных, о маме, папе, друзьях… Не будь эгоисткой».

Вы равнодушные лицемеры, не смеете называть меня эгоисткой! Вы каждый думаете только о себе, признайте это! Не смейте отрицать слова той, что видела жизнь как и вы со всеми её шоколадками и лимонами! Мне попался большой лимон, сейчас моя мать лежит в могиле! Кто мне её вернёт?!

Я смотрю вы больно умные и всё знаете! Ах, не знаете! Что ж, тогда я могу посоветовать вам прочитать книгу «Все тайны этого грёбаного мира». Не слышали о такой? Она пылится на полке в пустой библиотеке, по адресу улица Смертострадальческая, дом №3.

Как найдёте и с усердием прочитаете от корки до корки эту книжонку; тогда можете поносить меня и других самоубийц столько, сколько вашим жалким языкам угодно.

Кстати, не забудьте позвонить мне на тот свет и рассказать все тайны мира. Хотя вы не дозвонитесь, я буду вне зоны доступа.

Вы считаете самоубийц слабаками? Ладно, ваше право. Но не надо осуждать человека за его выбор, когда вы не были в его шкуре. Слово «понимаю», недопустимо при общении с другим человеком. Никто и никогда не сможет понять другого. Каждый идёт своей дорогой, каждый рождается и уходит один. Умные люди меня поймут, а дураки… Ну на то они и дураки, согласны?

Простите за мою резкость, не надо сердиться на меня. Только не уходите! Просто я ребёнок и зла на этот жестокий мир, зла на вас, его равнодушных обитателей, зла на себя в какой-то мере… Я не буду рассказывать вам все детали, это не исповедь, да и времени у нас маловато.

Я так волнуюсь перед отъездом. Ведь сегодня, примерно через час, я отправлюсь на поезде под названием «Смерть», в место именуемое как «Неизвестность».

Я ненавижу когда самоубийство считают проявлением слабости или трусости. Тебе говорят, что ты должен подумать об окружающих. А кто подумает о тебе? Правильно, только ты сам!

Просто не надо считать себя богами или мудрецами, вы не знаете что надо и чего не надо. Вы ничего не знаете, как впрочем и я.

Мы знаем жизнь только на ноль целых, две десятых процентов из ста.

Я не верю в ад, очнитесь МЫ УЖЕ В АДУ!!! И название этому аду планета Земля! Как можно слепо верить в то, что после смерти ты будешь вариться в кипящей моче или чём-то подобном… Например жарка на сковороде. Для меня всё это сплошной абсурд. Я вообще не сильно верующая, но я верю в воссоединение и небеса. Я слепо верю в безмятежный покой, который мы все рано или поздно обретём. Разве это не чудесная награда, за пребывание в этом ужасном мире.

Самоубийство не там, где его видят и не там, где его ищут; всё намного глубже и сложнее.

О чёрт! Время уже шесть вечера, скоро домой придёт папа. Пора начинать. Вы ведь ещё здесь? Надеюсь что здесь, потому что мне сейчас очень страшно, глупо это скрывать; поэтому будьте мысленно со мной.

Во мне много храбрости и силы воли, но я боюсь. Я много читала о самоубийствах детей, участившихся в последнее время. Они придали мне смелости. Они же как-то смогли? Значит и я смогу. Я также читала о самых лучших способах и пришла к единственному доступному и радикальному решению…

Я бы могла наставить кучу запятых и не продолжать свой рассказ, но я хочу чтобы вы знали и чувствовали всю мою боль, пока читаете этот текст. Сожалею, но сегодня запятых не будет, пора наконец ставить жирную точку в этой жизни.

Ладно, пора прощаться. С вами была Ира, простая двенадцатилетняя девочка, решившая сегодня умереть. Я попрошу особо впечатлительных личностей не читать дальше, но а те кто любит жесть и смерть, читайте и получайте своё извращённое удовольствие; я не против.

Я не хочу умирать, никто из самоубийц не хочет умирать. СМОТРИТЕ, КАК Я УХОЖУ…

***

Ирина решила напоследок обойти квартиру своего отца, ставшую её последним пристанищем на этой земле. Каждая комната имела свою историю, каждая фотография на стене была чужой… В этой семье ей нет места.

Часы уже пробили семь часов, время никогда не было её другом. Время – это то нечто, с которым нельзя дружить; ему нужно только слепо подчиняться. Подчинение обстоятельствам было не в её натуре, поэтому она объявила в этой последней изматывающей партии, шах и мат.

Она направилась в свою комнату и начала готовиться… В квартире как назло не было высокой балки или крюка, на которых можно было бы повиснуть, а затем в мучительной агонии хрипеть и ждать смерти. Увы, обстоятельства складывались не в её пользу. Всё это значительно усложняло задачу, но Ирина была непреклонна и тверда в своём решении; сдаваться она не собиралась.

Тем временем метель за окном разыгралась не на шутку, кругом царила сплошная мгла. Может наступил конец света? Конец наступил, но не света, а хрупкой и бесценной жизни маленькой девочки.

Ирина ловко смастерила петлю из ремешка от школьной сумочки. Это было не сложно, во всяком случае легче, чем пытаться повторить узел Линча. Она посмотрела на эту тему много обучающих роликов на Ютубе, но всё было тщетно; наука вязания морских узлов, ей никак не давалась.

Но воля её была тверда и никто, даже сам господь и дьявол, не могли помешать ей уйти.

Ирина закрепила удавку на батарее отопления, но расстояние до пола было очень маленьким; повеситься у неё всё равно не получится. Тогда она решила пойти на ещё более отчаянный шаг, удавиться.

Она в последний раз посмотрела на бушующую метель за окном и казалось на мгновение, маленькое, самое крошечное мгновение; девочка увидела в этой непроглядной и по особенному мрачной белизне, лицо своей матери. По бледным и печальным щекам Ирины, потекли крохотные слёзки. Это видение, придало ей решимости сделать наконец последний рывок и шагнуть в бездну, из которой ещё никто не возвращался.

Петля плотным, змеиным кольцом, обвила шею девочки. Осталось последнее, ждать.

Секунды мучений, умножить на её мужество и прибавить везение, равно удачный исход дела, то есть смерть.

Ирина начала потихоньку садиться на пол, отчего петля на её шее, ещё сильнее затянулась:

«Секунда, минута, боль!!!

Нет надежды!!!
Нет надежды!!!
Нет надежды!!!

Секунда, минута, боль!!!

Мама я иду к тебе!!!
Звон в ушах, где я?!
Мне страшно!!!
Мама!!!
Мама!!!
Мама!!!
Жизнь боль!!!
Жизнь боль!!!
Жизнь боль!!!

Секунда, минута, бо…»

***

Скрип входной двери, доносился в самые отдалённые уголки обычной, московской квартиры. Александр пришёл с работы, был поздний вечер, стрелки часов указывали на 8:05. В квартире было подозрительно тихо. Он снял с себя верхнюю одежду, на которой уже таяли хлопья белого снега. Хаос, творившийся на улицах Москвы, никак не хотел заканчиваться; наоборот, с каждым часом метель становилась всё сильнее.

«Эх, погода сегодня не на шутку разыгралась», – подумал про себя Александр.

Он помыл руки в ванной и отправился в комнату дочери.

Дверь была не заперта, но почему-то он не хотел заходить внутрь. Почему ему так не хотелось туда заходить, неизвестно. Поначалу он решил что Ирина спит и не стоит её тревожить; но спустя несколько минут, он всё же переборол своё нежелание и вошёл внутрь. В комнате было мрачно и он зажёг свет.

Картина, представшая перед ним, могла моментально убить любого взрослого и даже целую толпу, но Александр лишь окаменел. С бледным лицом и трясущимися руками, он молча стоял и смотрел на это.

Комната была хорошо прибрана, видно что Ирина сегодня на славу постаралась. На учебном столе сиял маленький огонёк настольной лампы, в форме лебедя. В дальнем конце комнаты, под окном, к трубе батареи отопления, была прикована Ирина. Она сидела неподвижно с опущенной головой; её мертвенно-бледная кожа с ярким, синим оттенком, внушала нестерпимый ужас.

Наконец выйдя из своего ступора, Александр бросился к дочери. Он отвязал ремешок от батареи, от чего девочка сразу повалилась на пол.

– Ирина, Ирина, Ирина!!! – истошно вопил Александр.

Поток горячих слёз лился из его покрасневших глаз; он бился в нечеловеческой истерике и тормошил дочь, но она не откликалась. Больше она никогда не откликнется, как бы громко он её не звал. Хрупкое, синее тельце, лежало неподвижно, а стеклянные глаза глядели в пустоту.

Александр провёл по глазам дочери своей большой ладонью и они закрылись. Открыться вновь, им было не суждено.

***

Зимний лес поистине прекрасен, но сегодня всю его красоту перебивает печаль. Даже яркий солнечный день, не способен подарить троим людям радость; ибо внутри них сегодня не прекрасный и не солнечный, а по настоящему чёрный, самый чёрный день в их жизни.

Кладбище самое одинокое место на земле, не считая конечно библиотеки.

Метеорологи предполагали, что метель продлится почти до конца февраля; но она ушла на следующий день, забрав с собой душу нашей несчастной девочки.

Маленький гробик, обшитый ярко-красным бархатом, стоял на краю ямы и терпеливо ждал когда его опустят внутрь. Двое женщин, стоявших возле него, выглядели странно, на их лицах не читалось особо сильной печали.

Гроб начали на ленточках, сделанных из плотной ткани, потихоньку опускать в холодную и тёмную яму. Троица по очереди кинула горсточку земли левой рукой, а затем рабочие принялись лопатами забрасывать гроб сырой землёй смешанной со снегом.

Александр стоял словно живой труп и смотрел как гроб, постепенно исчезает в этой бездне. Здесь, в этом самом месте, предстоит лежать его единственной дочери вечность. Лежать до тех пор, пока не остановится время и сама земля не завершит свой путь. Ведь у всего есть конец. Всё умирает, всё выцветает и самое ужасное, что мы уже не сможем увидеть тех, кто покинул этот мир.

Воистину мёртвые счастливчики, в отличии от нас, живых. Они за гранью боли и слёз, никто и ничто не причинит им страданий. Никогда не жалейте мёртвых, жалейте живых, а в особенности тех, кто живёт без любви.

Остаётся только надеяться, что сейчас душа Ирины, покоится в месте не имеющем названия. Покоится вместе с душой её мамы, вместе с другими душами, которые уже так далеко от нас и которые так недосягаемы… Вряд ли мы с ними встретимся, но память; память о них должна жить в наших сердцах.

***

Посвящается Борисовской Ирине Александровне
(19 декабря 2000 – 16 февраля 2012)

Ты умерла, но в сердце живёшь моём,
Время память о тебе не сотрёт.
Все мы будем упиваться вечным сном;
Ирина, имя твоё в пустоту не уйдёт.
Вечная тебе память.

Любовнику моих мыслей

Здравствуй, мой дорогой К. Дорогой – как странно, ведь я тебя не знаю, а ты мне уже дорог… Дорог телом, а не душой; ибо душа, томящаяся во власти крови и мяса, окутанная слоем жира и кожи, не может любить… Нет, любовь конечно возможна, но не вся. Вся сила духа, тонущая в физических величинах, улетает прочь, стоит мне лишь упомянуть ей о тебе.

О любовь… Нет, не любовь! Телесное желание оказаться в твоих объятиях, мучает меня. За что природа наградила меня широкой душой и тонким телом? Будь моя воля, я бы разломал всё к чёрту. Все преграды, стоящие на нашем (точнее на моём пути), были бы стёрты. Хотя к чему их стирать, возможно они удерживают мою плотину.

Я не хочу погружаться в хаос, я хочу погрузиться в тёмное море и навсегда угаснуть. Но не подумай мой Аполлон, твоей вины в том нет. Вина целиком и полностью на мне. Зачем мне море, когда я сам – океан страстей. Но если бы пришлось выбирать, я бы с гордостью в глазах и смелостью в сердце, вынул из тела душу и выбросил её в реку. Да, мой выбор – река.

О, мой дорогой К! Я трогаю свои губы, в надежде на всплывающее из глубин моего океана страстей, ощущение твоего поцелуя. Не ругай меня за такие желания, ибо бог, если он всё же существует… Я уверен, он бы меня понял.

Я люблю тебя телом, но не душой. Но ведь тело и душа, как Ен и Омэль – два брата и врага, неразрывно связанные узами земли и воды. Тогда стало быть, я имею власть преодолеть засовы тела и распахнуть для тебя двери своей души. Но нет, пусть она останется закрытой. Я не могу утащить тебя в свой океан, он недоступен людям. А ты человек (как жаль), простой и холодный человек. И твоя холодность, ещё сильнее притягивает меня к тебе.

Твой равнодушный взгляд и отстранённость… И ранят и ласкают меня. Мои телесные желания, в купе с желаниями духа, сплетаются; и в этот самый момент, я боюсь. Боюсь взорваться и этим взрывом уничтожить себя. А если я погибну, то я не из желания близости, а из чистого эгоизма, заберу тебя с собой.

Вечерние посиделки с К.

Где-то на границах всех миров…

– Привет!

С хода, переключаюсь на бег, залетаю в белый зал, прохожу мимо шальной походкой и слышу в ответ:

– Привет.

Односложное привет, больше мне ждать от тебя нечего? В который раз убеждаюсь в своей непоследовательности, скромная манера говорить пугает. Я признаюсь тебе не в любви, а в желании того, чтобы ты обладал мной. Я был создан для обладания, ибо без него, я засыхаю и трескаюсь, как осенний лист в октябре. О, молю, молю тебя о спасении, о спасении и о влаге! Полей меня собой. Каждая бусинка твоего пота, нектар для меня.

– Хм.

Громкое дыхание. Ты не очень многословен, в этом и есть твоя уникальность. Я же строчу нелепый бред, целыми тоннами загружаю новые слова в предложения; складываю мозайку своего откровения.

Запах сигарет. Чёрная маска скрывает твоё милое лицо, покрытое множеством прыщиков, каждого из которых, я готов поцеловать. О, милые твои прыщички, как хорошо что они у тебя есть! Благодаря этим милым созданиям, я смогу губами прикоснуться к тебе.

Но губы мои останутся сухими, как и изнанка души. Ты ведь не ответишь на поцелуй. Не ответишь? Зачем тогда мучаешь меня?

О судьба, жестокий рог! Я всё таки пленник, каждый может меня пленить. Я узник и это моё проклятие. Попав в плен твоего очаровательного лица, тонких губ и носа с милой горбинкой, красивых рук с лёгким, светлым пушком… я навсегда потерял себя. Моя привычка впадать в крайности не только в поступках, но и в письме, закрепилась плотным, обвивающим шею кольцом.

– Чаю хочешь?

О боже, это что вопрос?! Повтори, прошу! Конечно же я хочу чаю. Но только из твоих рук, твоего присутствия. Что мне какой-то чай, мой нектар – ты. Ёжусь на стуле, кашляю, отворачиваюсь… Единственные пути спасения от себя таковы. И как ответить?

– Нет, спасибо.

Как нелепо, ты встаёшь и уходишь. Пьёшь чай на кухне один. А я как послушная жена и верный пёс, остаюсь охранять твой покой. Ты глотаешь чай, смачно жуешь будерброд. Так мило чавкаешь.

***

(– Быстро пошёл пить чай!

Это приказ или мне послышалось?

– Иду.

– Вкусно?

– Да.

– Я тебе нравлюсь?

– Да.

– Хочешь поцеловать меня?

– О боже, да! Тысячу раз да. Разреши мне поцеловать тебя.

– Разрешаю…)

***

Нет, послышалось. Опять придумываю всякие небылицы и глотаю их словно красное, сухое вино в дешёвом ресторане, в пятницу вечером. Ведь именно в этот самый день, приходит

чудовищное осознание того, что проведёшь в одиночестве следующие два дня. Летаю в миражах и не сторожу, отвлекаюсь.

Ну прикажи же мне! Я послушаюсь тебя как собака. Не могу любить, но хочу принадлежать тебе; целиком и полностью, полностью и целиком. Никак иначе, на меньшее я не согласен. Ведь принадлежность, отчасти и есть любовь. Ты будешь свободен, я пленён. Я пленник. Да пойми же наконец. Я, я, я… Пленник своих ужасных и саморазрушительных страстей, которые неподвластны смертному вроде тебя.

***

И вот ты сидишь рядом, хаотично вертишь ботинком туда-сюда, туда-сюда. У тебя сползли носки, а под ними я вижу волоски на твоём оголённом участке кожи. О бог, моя дивная часть тебя пробуждается, но тут же угасает. Я смотрю на свет нашего с тобой бога, нашей собственности. О дьявол, о мир… Вот это подарок! Я взорвусь, ей богу взорвусь от страсти к тебе. Если не смогу насладиться красотой твоего обнажённого тела, то хотя бы буду любоваться этой крохотной частичкой, которой мне всегда и везде будет мало.

Я будто ношусь по кругу вокруг костра. Костра моих страстей, который сжигает меня изнутри. Я медленно сгораю от невозможности получить от тебя хотя бы прикосновение, которое могло бы ручьём стеч вниз и погасить этот негасимый костёр. О нецелованный, холодный принц, любовник моих мыслей… Ты реален и ты со мной сейчас, в этот самый убиваемый проклятыми часами момент. И это приятно, твоё временное присутвие щекочет мне сердце, ласкае душу и греет тело. Хотя я мечтаю в холодную январскую ночь, на окраине незнакомого города, быть согретым тобой. Это не сбыточные мечты. Я люблю не тебя, а свою принадлежность к тебе от которой безмерно завишу и страдаю, телесно-духовную привязанность. Стало быть ты настоящий и твой эфимерный образ, останется со мной до последнего вздоха.

– Чего не собираешься?

– Ааа… Ааа… Ага.

(Не знаю что дальше сказать, не могу говорить в твоём присутствии, все слова поростают холодным мхом твоей жестокой холодности ко мне.)

Двери закрывается, я в любимом пуховике бреду ночью домой, в компании со своим одиночеством и истерикой в душе, которая истосковалась по тебе и нашей с тобой разности, от которой и увеличивается с каждым днём, искра нашей односторонней близости. Но тела, а жаль что не души. Моё не важно больше, важно только твоё, только твоё невидимое присутствие для меня. Я всегда хотел быть подарком и искал кому бы себя подарить. Мой принц январских холодов, моя безответная любовь и поджигатель моих страстей. Молюсь о ночи нашей, которой некогда не будет. Реальность к нам жестока, но есть мой океан… который подарит нам её.

События происходили в конце ноября 2020 года, чтобы быть точным.

Любовь, время и смерть

– О мой Жан, любовь моя! – Цесерия сказав эти слова, подарила Жану радость.

«Люби, радуйся, живи» – говорило её сердце. Она прекрасна, моя судьба. Жан слышал биение сердца любимой, страсть овладевала им.

– О Жан, ты мой, а я твоя!

– Наша любовь, сильнее смерти Цесерия!

В предвкушении чудесной ночи, на заре, в шуме реки; они любили друг друга. Два в одном, одно в двух.

– Война пришла в наш дом, о Жан, любовь моя!

Жан отправляется на фронт. Столько убитых, столько раненых. Как можно отправлять кого-то в этот ад? Счастье, как и всё в мире, не бывает вечным. Их любовь разделило время.

– Цесерия, любовь моя, ты будешь меня ждать?!

– О Жан, любовь моя, мой свет. Когда последние звёзды упадут с небес, ты вернёшься ко мне. А я всё буду ждать, в жизни или в смерти!

– Цесерия, душа моя, я вернусь к тебе, переплыв все моря и океаны, исходив все леса и пустыни!

***

Жан на фронте, а Цесерия томится в ожидании. Время враг, с которым борьба всегда приводит к поражению. Лето, осень, зима, весна и снова лето…

– О Жан, любовь моя, где же ты? Моё сердце страдает от разлуки. Столько лет прошло, а тебя всё нет. Я буду ждать, я буду бороться.

***

Цесерия несёт крест ожидания, а Жан несёт крест войны. Оба в вечной битве.

– О Жан, любовь моя, я больна! Где же ты? Ты переплыл все моря и океаны, исходил все леса и пустыни? Я жду, я всё ещё жду, но я больна.

***

– О Жан, любовь моя, времени так мало. Господь скоро заберёт меня к себе и я усну на веки вечные. Найдёшь ли ты меня там, если мы не свидимся на этом свете?!

***

Через три дня её не стало, похороны были скромные. Белая тень Цесерии лежала в гробу и ждала своего любимого. Но не дождалась, её погребли вместе с последней надеждой на встречу, пусть и с покойником. Жан пришёл ровно через год. Цвели сады, текли реки и та роща, в которой они обвенчали свои души; была такой же, как в день прощания. Ему предстояло принять удар, который приготовила для него жизнь. Он стоял у могилы Цесерии, словно труп. Душу вырвали у него из тела, по земле осталась бродить лишь оболочка. Пару лет она скиталась по городам и странам, а потом и вовсе исчезла.

Ужин семьи Марговец

Введение

Посвящается моей любимой писательнице и духовной сестре Вирджинии Вулф, а также Недолеченной Даме – человеку с чистым сердцем и огромной, как океан душой. Спасибо тебе за понимание и интерес к по-настоящему важным вещам, а также за великую преданность правильным идеалам. Твоей усидчивости, терпению, смелости, стойкости и силе, можно только позавидовать, благодарю за то, что поделилась ими со мной. Оставайся такой же удивительной как сейчас и иди по тесной, тёмной и опасной дороге жизни, с улыбкой.

«Эта история не одного человека и многих дней, а многих людей и одного дня. Ведь что есть день, если не вся жизнь»?

1

Часы пробили одиннадцать утра, хотя утро ли сейчас, может полдень или глубокая ночь? Одна из тех туманных ночей, в которых не видно не единой звёздочки, даже самой крохотной. Комната, освещаемая искусственным светом электрической лампы, была наполнена тишиной. Лишь редкое, случайное кряхтение нарушало её. Лист перевернулся; ещё одна страница, которую пробегал глазами Джон, была скрыта от его уже не любопытных, потухших глаз. Свеча, именно со свечой их можно было сравнить. Жизнь свечи напоминает жизнь глаз. Яркое пламя, постепенно переходящее в тусклый огонёк; и вот-вот он погаснет. Но нет, глаза Джона Марговеца и думать не могли о том, чтобы погаснуть прямо сейчас.

– Вы читали эту книгу? – с поддельным интересом спросил он, но ответ был очевиден.

Как я могу читать такие книги, подумала про себя Минни, сидя напротив на маленьком, хромающем и издающем неприятные звуки стульчике. Она наполнена, да нет… Она просто кишит расизмом! Её предки афроамериканцы были бы в ярости, от одной лишь мысли о прочтении этой книги. Но тем не менее да, да она читала эту книгу. Простое да, вырвалось из её уст и предало её, обман был раскрыт.

Конечно она читала эту книгу, как она могла её не читать, яростная феминистка и пацифистка. Куда же ей ещё было направить свою ярость? Их глаза будто убегали друг от друга, избегали встречи друг с другом, как несчастные влюблённые, которых разводит по разным углам жизни судьба.

Минуты тем временем не щадя никого текли; неумолимое время приближало их к истине. Сквозь погружение в невидимый вакуум, они видели самих себя, как если бы стояли рядом со своими телами и смотрели на неприкрытую ничем душу, напрочь оголённую и лишённую защиты. Какая же я никчёмная, доносилось откуда-то глубоко, словно невидимый человек, говорил голосом который нельзя услышать. То что я ему говорю, правильно ли это? Правильно ли было общаться с человеком, столь возвышенным, начитанным и далёким. Да, она далека от меня, да и я так далёк от неё, думалось Джону. Да и как они поймут друг друга, это невозможно представить, словно день говорит с ночью.

Ночь таит темноту и покой, а день ясность и просвещение. И вот он, тот заветный миг. Перемещение и смесь; да верно, всё смешано и ни в коем случае не однообразно. В однообразии они бы никогда не поняли друг друга, но смесь дня и ночи, дала им свой ответ. Они сплели свою сеть и контакт их душ был установлен. Минни посмотрела на него взглядом говорящим, да, я знаю, я всё знаю. И вот, казалось она почти поняла его, как их внутренний диалог, надёжно скрытый от людских глаз и ушей разговором, обычным разговором двух людей. Такие разговоры происходят каждый день.

Да, как не прискорбно, но что зарождалось, то исчезло, мгновенно испарилось, словно пар выходящий из воды. Прямиком в спокойствие вторгалась какая-то фигура; издалека, сверху раздовались шорохи и крики, которые звучали так непонятно, что ни один не смог определить, о чём на верху так яростно говорили?

Тем не менее в уже нарушенной, но всё же тишине, они сидели и молча смотрели на полки с книгами, в окно, на цветы в старом горшке. На что угодно устремлялся их взгляд, но только не друг на друга. Эта хитрая и заранее проигранная игра почему-то продолжалась, события и обстоятельства в которые так жестоко толкнула их жизнь, вынуждали одевать эти тёмные очки, которые, как им обоим казалось, спасут их друг от друга. Словно невидимая стена, разделяющая два мира, два сада. Каждый сидит в своём саркофаге и не подпускает чужаков даже к порогу внутреннего дома; а уж пригласить кого-то внутрь, это полнейшее безумие.

2

Её глаза едва открывались, комнату окутывал полумрак, чудесные ароматы любимых духов витали в воздухе, щекоча тайные желания женщины, одно из которых, вернуться назад, отмотать часы. Сейчас ничто не помешает предаться тоске по былым временам. Но Эллен Марговец знала что время течёт словно горная река, и остановить его невозможно. И вот она почти переплыв всю эту горную реку, лежит на огромной кровати и не знает что делать дальше. Плыть или тонуть? Вот он, извечный вопрос жизни. Когда нужно остановиться? Когда нужно перестать грести руками по воде, лишь бы проплыть ещё метр, лишь бы прожить ещё день?

Мрачная обстановка угнетала её, а разговоры доносящиеся снизу раздражали. Наверное опять Джон треплется о литературе с новой гувернанткой. Мысль пронеслась, словно автобус, идущий по понедельникам в восемь тридцать утра. Однако место его конечной остановки неизвестно. И вот он, костёр горящий в ночном тумане; комната непонятна и на первый взгляд проста, как жизнь.

От раздумий её отвлёк будильник, который мерзким голосом заревел:

– Пора вставать!

3

В полном отчаянии Эллен сказала себе, что она узница. Но комната не поверила ей, предметы никогда ничему не верят, они просто есть и всё. И не важно насколько глубоко ты к ним привязан, им на тебя плевать, лишь изредка они могут подарить своему хозяину удовольствие. С них нужно стирать пыль, а она опять садится назад, на своё законное место. Ох уж эти вещи, никогда к ним нельзя привязываться, вечно только и делают, что просят переставить их куда-нибудь, то куда им захочется, то куда захочется тебе. А не переставишь, жди беды; мозг сам прикажет сделать это, да ещё в такой извращённой манере, аж волосы дыбом встанут.

Эллен воспряла духом. С болью и потом, она наконец поднялась с кровати. Прекрытый старой, бежевой занавеской тусклый свет, исходящий из окна, успокаивал и наводил тоску. Я узница, я узница, я узница, продолжал бормотать внутренний голос и медленно но верно, терпение уходило прочь, она снова начинала верить ему. Когда-нибудь она сорвётся и исчезнет, спонтанно, без следа. Но не сейчас, пока ещё не пришло её время.

И вот, стоя посреди полумрака, в котором невидимое существо глядело на неё, в нём она видела саму себя. Моё отражение чужое, это не я. Она уже и не помнила, когда в последний раз смотрелась в зеркало. А может и помнила, но не осознавала этого. Ведь кому будет приятно взглянуть на себя в одиночестве и увидеть печальную и простую правду. Зеркало покажет все шрамы, они будут видны как бы она не старалась скрыть их, себя ей обмануть не удастся.

От этой суровости которая царапала душу, словно дикая кошка, её спасли друзья. С неё маленькими струями бежала кровь; так медленно текла воображаемая, алая струя по её душе. Это зрелище наводило ужас. Что ещё остаётся делать одинокой и уничтоженной женщине?

Она решила как и прежде посыпать всё солью и продолжить страдать. Но свои страдания она непременно разделит с мужем, детьми, подругами, знакомыми, даже с собакой. Бак, так кажется его звали, она помнила этого пса. Отец подарил ей его на день рождения. Такой маленький, крохотный, пушистый комочек. Его застрелили, да застрелили, определённо его убила пуля, крошечная пуля; глупо и печально. Один маленький, ничтожный кусок металла способен убить всё, абсолютно всё.

Но стоп! Почему она вспомнила о Баке? Ведь его уже нет на свете лет пятьдесят, если не больше. Да и к тому же, это всего лишь собака, а Эллен не любила прочных, дружных связей, считая их ненадёжными. Они словно нитки рвутся, стоит только дёрнуть, вот любовь другое дело. Но от этих мыслей она почувствовала себя виноватой, выходит она всё таки любила его. Иначе камень вины не прелетел бы в неё. Но кто его бросил, неужели она сама? Её внутреннее, второе я, возразило этим высказываниям и таким образом решило показать своё недовольство. Жестого, но справедливо. Да с этим она согласна, она была не права.

Мысли обстреливали голову, словно из автомата, не успевала подойти первая пуля, как за ней следовала вторая. От такого напряжения, голова скоро лопнет, как переспевший помидор. Мой помидор уже давно переспел, ничто не спасёт его от гибели. Что там внутри, горькая мякоть? Найти спасение в определённые моменты невозможно, единственный способ пригласить к себе в гости друзей.

Эллен хромающей, слегка пьяной походкой, подошла к огромному шкафу, буро-малинового цвета. Шкаф стоял у двери, ещё два шага, один и вот она наконец у цели. Таблетка Барбитала упала ей на руку, а затем попала в рот и была проглочена. Прошла минута, две… Легче ей не становилось, её терзали и били мысли одна за другой. Чем ещё их атаковать? Ах да, мой любимый Ксанакс должен мне помочь. Уж он то справится со всеми этими проблемами, такими страшными и в тоже время не важными, туманными.

Но где его искать среди десятков других интересных для неё препаратов? Горы малышей лежат в стеклянных бутылочках и все как один просятся к ней в рот, жаждущие быть прогло-

ченными. Поиски этого чего-то, о чём она уже забыла, заняли около минуты. И вот она, долгожданная таблетка, которая должна была ей помочь. Но что это за таблетка? Явно не Ксанакс. Да и важно ли это?

Важно что она примет сейчас, или нет? И вот опять ответ уходит, даже не попрощавшись. А напряжение становилось всё сильнее и сильнее; цепи ужаса сковывали её, а ядовитый страх впрыснул свой яд и парализовал. Ну сколько это будет продолжаться, сколько, сколько, сколько? Это доносилось откуда-то издалека, но звучало так отчётливо, будто было совсем рядом, внутри. Ну пощадите же меня, говорила она своим демонам. Бесполезна эта мольба, демоны беспощадны, на то они и демоны.

Да, так их называл её отец, недуги это демоны, преследующие человека всю жизнь, они растут и плодятся день за днём. Болезни, страхи, боль, разочарования… Всё это демоны, они приходят к нам лет в десять, может больше. Так видел жизнь её отец, он был пастором в церкви, в городе который был домом её детства. Ничего он не хотел признавать, видел только демонов, а не лучше ли было принять за данность факт, что существует дух, всеобъемлющий дух и физическое тело. Проблемы у этих двух братьев хоть и связанны между собой узами родства от рождения, но всё же они совершенно разные. Но нет, демоны, демоны, демоны, это всё демоны и ничего кроме них. Непробиваемый был сухарь.

Демоны это были или нет, в сущности и не важно, по крайней мере теперь, когда отца рядом нет. Демоны или что-то в этом роде, нечто не поддающееся разумному объяснению, уничтожило его много лет назад. Ах папа, мой любимый папа, он всегда всё понимает… Понимал. Теперь же, понять её не кому. Неужели болезнь души, сделает с ней тоже самое, что и с её отцом.

Я не знаю худшей напасти чем безумие, говорила она сама себе. Оно убивает человека и делает это так медленно и мучительно, лишая его всякого достоинства и самоуважения, это нечто подавляет его уверенность в собственных силах и отнимает желание жить дальше. Эта тварь постоянно нашёптывает на ушко: «Убей себя, убей, ну убей же»! И так каждый божий день. Убить человека – её главная цель. Болезнь или что бы это ни было, желает ей смерти и она не успокоится, пока её не станет.

Мне страшно за детей, взвыла она, словно голодная медведица. Откуда взялся этот страх непонятно, наверняка пришёл из темноты, как и все страхи. Но ей было страшно за детей, особенно за Уильяма, он был её любимцем и отрадой, да и сейчас остаётся таковым, это годы изменить не смогли и она радовалась, ибо время всё же не такое всесильное и над Уильямом оно не властно.

Замечательно когда время меняет тело, но не душу. Как он там, мой малыш, мой хрустальный мальчик, такой робкий и хрупкий. Толкнёшь одним пальцем и он сразу упадёт в пропасть, не устоит на краю обрыва. И вот очередной поток слёз побежал с казалось уже сухих, как пустыня глаз. Но откуда там взяться слезам? Хватит Эллен, не мучай себя, пощади себя, говорило ей её внутреннее я, но она не слушала, печаль была сильнее. Да и она над ней не властна, вот пришла печаль, велит грустить и ты будешь грустить.

Не в силах больше сдерживать весь этот поток лавы, льющийся из вулкана её искалеченной души, который сжигал и убивал; она хватала каждую баночку, брала из неё одну, две таблетки и бросала в рот. Таблетки залетали туда, как к себе домой. Боялась ли она смерти в тот момент? Страх смерти отсутствовал напрочь, но уйти в небытие она не желала, поэтому была осторожной.

Бедная, я бедная, я несчастная, приговаривала она идя по коридору, чёрному как тоннель под землёй. Слепой бредёт во тьме, надеясь обрести спасение. В конце концов кто пожалеет её кроме неё самой, от других жалости не дождёшься, они слишком заняты, они тоже сами себя жалеют, откуда у них будет время на неё. Да и жалости на двоих не хватит, только на себя, а занимать у других жалость, гнусный, подлый и непростительный поступок. Только в конце

коридора, до которого она всё никак не могла дойти, светил яркий свет, свет в конце тоннеля. Но правдивый ли это свет, спасет ли он её?

Она делала шаг за шагом, кости ужасно ныли. От невыносимой боли, тело было словно ватное. Она остановилась, ощупала стену, нашла знакомую трещину и дёрнула за верёвочку, которую могла найти всегда, словно слепой всегда знал где лежит его любимая книга. Маленькая, настенная лампа зажглась. Но стоит убрать книгу в другое место или перевесить верёвочку и они станут беспомощными, словно новорождённые котята.

На маленьком столике лежала пачка её любимых сигарет Pall Mall.

Она трясущимися руками вытащила одну и засунула в свой узеньких рот. Тонкая линия на лице свернулась в калачик, маленький огонёк лежащей рядом зажигалки, поджёг сигарету. И вот она закурила, впервые за день. Моя любовь к сигаретам сильна и будь я трижды проклята за эту любовь. Но она хотя бы взаимная, она выкуривает их, этого они хотят, быть выкуренными, а не лежать на этом пыльном столике и не мазолить людям глаза. Они же в ответ дарят ей покой и облегчение, они медленно убивают её. Любовь это или взаимовыгодное сотрудничество, непонятно. Но здесь всё взаимно, не то что у них с Джоном. Их с Джоном брак, это что угодно, но не любовь.

Она смотрела в пустоту желая разглядеть в ней нечто прекрасное, но пустота не таит в себе ничего, кроме всё той же пустоты. Её знакомая, любимая трещина, Джон много раз хотел её замазать, но она не разрешала, стояла горой защищая свою трещину. Любовь и дружба с трещиной в стене, что может быть безумнее. Привет дорогой папочка, вот твои демоны, которыми ты пугал меня в детстве, вместо сказок о Золушке или о Спящей красавице. Я каждый вечер просила чтобы ты хотя бы один раз Алису в стране чудес прочитал. Но нет, всё демоны, демоны и демоны. Они добрались до меня.

Рядом с трещиной висела старая, потёртая, чёрно-белая фотография. Едва можно было на ней что-то разглядеть, но она знала её как свои пять пальцев. Посередине стоит отец, худой, величавый, отлично скрывающий за натянутой улыбкой своё несчастье. Он обнимает маму, чья стервозная красота и суровое выражение лица, пугали Эллен в детстве. Она была похожа на злую королеву из детских сказок, превращала жизнь своих детей в ад. Но злых королев побеждают только в сказках, в жизни они продолжают царствовать и сеять зло на земле, заражая им других. Впереди них стоят трое детей; Бенджамин, её старший брат.

Нет, только не он, не хочу вспоминать, слишком больно, говорила она себе. И вправду боль была сильна как никогда, тут даже сигареты не помогут. Её сестра Карин, непохожая не на кого из них, напоминает добрую фею или любящую мамочку, Кэрри очень похожа на неё. А вот и она сама, младшая из этой несовместимой как вода и масло троице. Она пристально, не отводя глаз смотрела на них. Такие счастливые, они стоят и останутся стоять там навсегда, запечатлённые на этой фотографии, будут жить в этом изображении ещё многие века.

Наконец-то таблетки сделали своё дело, они спасли свою хозяйку и отогнали демонов. Тело окутала приятная прохлада, всё ушло, всё осталось позади. А боль, что вообще такое боль? Ничего не существует, всё ложь, жизнь ложь, она ложь, важно только настоящее, хотя нет, сейчас, именно сейчас, в этот момент ничего не важно и это счастье. Казалось она достигла его, забралась на эту лестницу, где царил чистый свет и покой. Никогда ей не было и не будет так хорошо как сейчас.

И вдруг в чёрной пустоте её сознания, из ниоткуда как по волшебству, появился серо-чёрный, кашеобразный киноэкран. Воспроизвела сама себя старая видеокассета давно минувших лет. Киносеанс начался. Она же словно в кинотеатре уселась и принялась с настольгией, болью и горячими слезами на глазах, которые попадали ей на высохшие, бледные и обветренные губы, похожие на тоненькую линию, разглядеть которую можно было разве что через лупу. Они попадали на губы и создавали гадкий, солоноватый привкус во рту. Ей казалось будто она попробовала все свои печали и невзгоды на вкус, и он конечно же оказался ужасным.

Она выглядела как хмурая, маленькая девочка, которую заставляют пить рыбий жир. Так что же появилось на экране, после этого жуткого шипения как в фильме ужасов. Начался фильм у которого не было режиссёра, сценариста, продюсера и актёров. Видео прерывалось, рябило, изображение было нечётким, расплывчатым, словно смотришь на мир сквозь прозрачную воду. Она сидела на чём-то похожем на стул. Было крайне неудобно, но сейчас, именно сейчас ей наплевать на мелкие неудобства. С застывшим от боли, словно камень лицом, она принялась смотреть фрагменты своей жизни. Они менялись, перескакивали с одного на другое, создавая тем самым нечто удивительное и прекрасное.

4

– Иду мама, иду, – отвечала десятилетняя Эллен своей матери, которая уже битый час не могла вытащить её из комнаты.

В ход шли просьбы, приказы и крики, но она никак не могла оторваться от письма. Мысли выбегали из головы и словно зайцы убегали в разные стороны. Поймать их было тяжёлой, даже непосильной для неё задачей. Эллен огорчалась из-за того, что мысли так неуловимы, быстротечны, а порой непонятны.

Вот пришло вдохновение, а ты занят серьёзным делом или пытаешься уснуть, не хочешь подниматься и писать. Но мысли не спрашивают, можно ли войти в твою голову? Они словно незванные гости, залетают внутрь, бегают повсюду, а потом уходят, оставляя горький след разочарования своему хозяину. Они крутятся, летают внутри, а после бегут из твоей головы, как крысы с тонущего корабля. Не успел поймать всех крыс, сиди с тем что есть. Пиши то что запомнил, то что отложил на пыльной полке в голове и без того забитой ненужными мыслями и проблемами. Куда уж там до писательства.

– Эллен, не заставляй меня подниматься! – уже диким и свирепым голосом кричала из кухни Сисси.

Стоя на кухне она жарила бекон, который недовольно шипел на сковороде, чересчур залитой маслом. Её губы малинового цвета, были сложены бантиком и приятно блестели в лучах утреннего солнца. Глаза хоть и были ярко и красиво накрашены, но всё же пусты. Нет в них ничего, ни знаний, ни чувств, сплошная ложь, покрытая фиолетовыми тенями.

– Фу, ну и гадость, как это можно есть? – приговаривала она, жарив очередную порцию бекона. – Сплошные жиры и углеводы, один лишь вред для здоровья. Да, с маслом я кажется и вправду переборщила.

Бекон был похож на пережаренное нечто, явно пришедшее в их дом с другой планеты. Терпение иссякало, как песок в песочных часах. Этой мерзавке не здобровать, если она не спустится через минуту, думала она, едва сдерживая нахлынувший на неё поток гнева.

Эллен торопливо писала, мысли выбегали и выбегали из головы. Она пыталась ловить их и запирать на бумаге. Нечто прекрасное уходило в пустоту, большинство мыслей не удавалось поймать в этом урагане бурного и неуравновешенного сознания. В итоге они просто исчезали. Это её огорчало. Ну почему всё так происходит? Она негодовала, продолжая строчить слова в дневнике, словно одержимая.

– Эллен чёрт тебя побери! – уже нечеловеческим голосом, а скорее звериным рыком кричала мать.

Казалось ещё немного и дом рухнет от такого громкого звука. Она разрываясь между гневом матери и желанием записать в дневник свои мысли, начала попросту терять их. Страх вновь пришёл в гости, точнее беспардонно ворвался в голову, а после принялся устанавливать в ней свои законы и правила.

На смену главному страху потерять нужную мысль, пришла обида на мать и на саму себя. Всё это в конечном итоге перешло в ярость. Ох уж эта голова, до чего же сложная штука человеческий мозг, то ты злишься, то грустишь, то радуешься, задавалась вопросом маленькая, похожая на чумазого мальчугана-сорванца девчонка.

Она не знала чего ещё ждать от самой себя, что накроет её в следующий момент, радость, печаль, а может она погрузится в апатию. Будет словно живой труп лежать на кровати, обиженная на жизнь, непонятая, будет плевать в потолок и тихо ждать смерти. Ибо только с её приходом этот кошмар, эта нестабильность, эта путаница, закончатся раз и навсегда.

В комнату вошла Карин, во взгляде её была смесь понимания и лёгкой злобы. Эллен продолжала писать, но было уже не то, слова не шли из головы бурным потоком, мыслей осталось

настолько мало, что ей приходилось долго придумывать, либо додумывать следующее предложение. Проще говоря, она клещами вытаскивала из себя мысли, которых больше не было. А ведь до этого она словно электропроводник между духовным и физическим миром, писала так, будто кто-то изнутри диктовал ей текст, а она была не писателем, а секретарём в суде, ведущим протокол.

От этой мысли она пришла в ужас, гнев закипел внутри с такой невиданной силой, что у неё даже зачесались руки кого-нибудь ударить. Чан с кипятком вылился наружу, сдерживать себя больше было невозможно. В свирепой ярости она швырнула тетрадь, а та в свою очередь ударившись о стену и приземлившись на деревянный паркет, принялась мирно лежать и ждать когда в ней попишут или почитают. Эллен сломала карандаш и как цунами вылетела из комнаты, едва не сбив с ног Карин.

Комната опустела, хотя в ней всё ещё оставалась Карин, которая почему-то не спешила уходить. Ошеломлённая, но всё же привычная к таким выходкам сестры, она начала словно давно работающая у неё в комнате прислуга, собирать скомканные и разбросанные на полу бумаги, а также раскладывать по полкам одежду и заправлять постель.

Аккуратностью и чистоплотностью, её сестра не славилась. Стихией Эллен был горячий нрав, вспыльчивый и непокорный характер, а также постоянные разговоры о смерти, как о каком-то удивительном и прекрасном явлении. Она с таким пугающим интересом говорила о ней, что Карин в определённых ситуациях была вынуждена избегать общения с ней, а на подобные разговоры отвечать немедленной сменой темы или же простым молчанием. В Эллен был какой-то внутренний конфликт, казалось она не ладит сама с собой и как птица стремится к небу. Но полёт убьёт её, маленькую, глупую птичку, не знающую всех ужасов и чудовищных несправедливостей этого мира. Она не знает что единственный, надёжный способ выжить здесь, это сидеть в своей маленькой каморке, словно крот в норе и вылизать из неё лишь для того, чтобы сходить на работу или за покупками.

– А, вот и ты. Значит так, слушай сюда маленькая дря… – не успела Сисси начать свою очередную, полупьяную нотацию, как Эллен пулей вылетела из дома, показывая при этом ей средний палец.

Ошарашенная, но уже тоже привычная и плюющая с высокой колокольни на такое поведение дочери, она стояла с поварёшкой в руке и мешала овсяную кашу. Для Сисси здоровое питание и уход за собой были превыше всего. Детей и мужа она предпочитала кормить тем, что завалялось в холодильнике. Стоит отметить и тот факт, что блестящими кулинарными способностями она не обладала, хотя гора кулинарных книг на полках в доме, могла свидетельствовать о том, что здесь проживает Джулия Чайлд. Но всё же нет, её познания в кулинарии ограничивались варкой каш, яиц и разогреванием замороженной еды.

– И так, я закончила, – ровным и спокойным тоном сказала Карин. – Комната из норы медведя, превратилась в кукольный домик.

Хотя нет, это не всё. Пирамида не станет идеальной без вышки. На паркете у стены, лежала полураскрытая тетрадь и так сильно просила Карин: «Прочти меня, прочти меня, ну прочти же»! Нет, не хорошо это, не нужно, ну да ладно. Пусть это будет самый страшный из моих грехов, подумала она подойдя к стене и подняв с паркета тетрадку, принялась читать:

«Смерть, смерть это покой, лёгкость, жизнь труднее. Я вижу как лежу в мягких объятиях земли…»

Карин немедленно отшвырнула от себя тетрадь, боясь быть насквозь пропитанной этими мрачными мыслями, но было поздно. Эллен, вернее вся её сущность пронеслась сквозь неё, словно электрический разряд. В тот момент она была словно убийца, сидящая на электрическом стуле и видящая последние мгновения жизни. Карин внезапно почувствовала страх за брата, который последние дни был мрачнее тучи, боль за отца, вечно говорящего о демонах и том что все мы животные, недостойные жизни, вину перед сестрой, которая в уже столь ран-

нем возрасте не могла думать ни о чём кроме смерти и ненависти к пустой, лживой и нерадивой матери.

– Господи, пощади мою бедную душу! – взмолилась она, встав на колени.

Не смотря на боль в коленках, от ещё незаживших ссадин, которые она получила оступившись во время бега на уроке физкультуры в школе, Карин продолжала стоять. Стоять и молить бога, чтобы он избавил её от этого ужаса.

В семье кроме отца, она кажется была единственной верующей. Её брат Бенджамин был убеждённым атеистом, Эллен же давно отвернулась от бога, начав читать демоническую литературу и мечтать об оргиях на болоте с водяными. В десять то с половиной лет! Ну а мама, мама это мама, с её легкомысленностью и несерьёзным отношением к жизни… Она могла молиться лишь богиням красоты из телевизора, на которых она без конца пялилась, сидя в гостиной с сигаретой и бокалом вина на диване. Их мать без конца восхищалась внешней красотой этих женщин. Она также не забывала при любом, удобном случае поставить их в пример своим дочерям, указывая на их очевидные недостатки, данные природой. И как бы они не старались производить впечатления на мать своими способностями, эти недостатки они увы, исправить не могли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.